

ГРУППА ТЕАТРА «СТАРЫЙ ГОЛУБЬЯТНИ» начала свои гастроли в Москве постановкой пьесы Жана Жироу «Троянской войны не будет».

Эта пьеса была написана двадцать пять лет тому назад, в тревожной, предгрозовой обстановке надвигавшейся второй мировой войны. Драматург перенес действие в далекие гомеровские времена, но пьеса его была менее всего историческим произведением. В форме философской драмы, выдержанной в иносказательно иронических тонах, Жироу говорил о своем времени, о современных страстях и надеждах и, показав борьбу человечности со злыми и подлыми силами, приходил к трагическому выводу о неизбежности новой европейской войны. Мрачное пророчество писателя, к величайшей беде человечества, оправдалось.

Прошло четверть века, и мы вновь смотрим эту пьесу, которая, по существу, является ожесточенным и упорным спором: быть или не быть войне?

Театр переносит нас в древнюю Трою; вернувшийся с битвы победитель Гектор полон ненависти к разрушению и смерти, отважный, мужественный воин проклинает войну, проклинает убийства. Он сжимает в горячих объятиях жену Андромаху и с радостью узнает от нее, что скоро станет отцом. Величайшим усилием ума и воли, действуя как мыслитель, политик и психолог, Гектор опровергает всех своих противников — Приама, Париса, Демокоса и доказывает, что оснований для новой войны нет, что эпизод с греческой царицей Еленой, увезенной Парисом от ее мужа, никак не может служить поводом для взаимного уничтожения народов. Но, убеждая каждого из своих оппонентов в отдельности, герой пьесы признается самому себе, что побеждая он проигрывает. Ведь война, по представлениям Жана Жироу, для правителей — это доблесть нации, средство экономического преуспеяния, для поэтов она источник вдохновения, для массы — шовинистический психоз, а для самой истории — предначертанный роком неизбежность. Действие, которое, казалось, всем ходом своего развития должно было завершиться торжеством мира, в последнюю минуту изменило направление, и затворенные усилиями Гектора «ворота войны» широко раскрылись вновь. И причиной тому была, конечно, не нелепая ссора, а проявление «высшей логики истории», как ее понимал Жироу, — предопределенности войны, не подвластной якобы никаким усилиям человеческой воли и разума.

Взяв острейшую политическую проблему и раскрыв в ней многие современные идеологические аспекты, писатель роковым образом перевел тему из реального плана в метафизический и с первобытным страхом взглянул в глаза чудовищу Ваалу. Слепая прорицательница Кассандра, начав пьесу зловещими словами о грядущей войне, торжествует под занавес свою безрадостную победу — и писатель видел в этом символическое обозначение познанной им внутренней закономерности человеческого общества. Такой вывод был следствием крайнего субъективизма политического мировоззрения Жироу, чисто рационалистического подхода к проблеме, которая по своей сути требовала широты и демократизма воззрений. Но для идеи фатальной предопределенности войны у писателя были и некоторые объективные предпосылки, заключающиеся в том, что четверть века назад не сложился еще миролюбивый лагерь социалистических стран, слишком слабым было еще движение народов за мир.

Тысячекратно возросло это движение в наши дни. Начатое Советским Союзом, оно стало самым массовым и могущественным общественным движением нашей планеты. Бдительность народов мира колоссально возросла, страх перед войной, фатальное представление о ее неизбежности сменились ненавистью к войне, боевым всепоглощающим духом борьбы за мир.

ОБРАТИМСЯ К СПЕКТАКЛЮ. Ощутили ли постановщик Жан Ле Пулен и актеры театра дух нового времени и в какой мере сумели выразить это в своем толковании пьесы Жироу?

Поставить ее по-современному — это значит, раскрыть и усилить в пьесе все то, что подтверждает ее заглавие — «Троянской войны не будет», это значит, преодолеть объективистскую созерцательность произведения, его рассудочную холодность и наполнить до предела горячей человеческой встревоженностью, открытой ненавистью к убийству. И тогда, вопреки пессимистическим взглядам писателя, чаша

Гастроли французского театра «Вье коломбье»

весов может перекинуть в сторону добра; горечь поражения окупится всей страстной силой борьбы и порыв надежды, выраженный в наименовании пьесы, будет действительно оправдан.

Эту горячую силу человеческой встревоженности мы ощутили в образе Гектора, который в исполнении Жоржа Декриера законно стал центром спектакля, определил его мужественный тон и современное звучание. Жоржу Декриеру, соседу «Комеди Франсез», чужда всякая декламационность, его Гектор реален в каждом своем душевном порыве, это герой с отчетливо выраженным характером. И такая человеческая доподлинность типа — суровая целенаправленность воина,

сколько ленивыми движениями надменной красавицы, и ровным, бесстрастным голосом хорошо передает идею бессмысленности назревающей из-за нее войны между греками и троянцами. Но ведь Елена Жироу — это не только бездумная любовница, и делать ее лишь партнершей Париса (Мишель Эрбо), равнодушного, эгоистичного красавца, нельзя. Елена — это та сила, которая только маскирует себя красотой, а по существу, является величайшим злом мира. Ведь недаром поэт Демокос, восхваляя войну, хочет сравнить лицо войны с лицом Елены, а Гектор, заглянув в глаза красавицы, не видит в них ничего, кроме «пепла от пожарищ». Елена — это бесчувствие и эгоизм, это

слепые инстинкты, которые не раз одолевали человеческий разум и волю. Вот этой силы зла, тающейся в глубине роли, молодая актриса, как нам кажется, пока не раскрыла. Такого ослабления идейной стороны образа Елены не произошло бы, если бы режиссер спектакля более отчетливо выявил контрдействие, если бы конфликт пьесы получил более острое и масштабное решение.

Для современного прочтения «Троянской войны» это совершенно необходимо. Главным врагом Гектора в его битве против войны выступает поэт Демокос, он же глава сената. Демокос олицетворяет собой дух милитаризма, это тот злодей народа, который выхвастывается своим искусством «морального опьянения» масс, который, лстя войне, видит в ней главный закон жизни и главный исток поэтического вдохновения. Гектор пламенно ненавидит Демокоса, как Жироу страстно ненавидел подлую пропаганду войны. С маньякальной настойчивостью Демокос добивается столкновения греков и троянцев. Это он, пораженный рукой Гектора, истошно кричит, что его убил грек Аякс, и, умирая, достигает цели: вождельная война вспыхнула. Таков Демокос у Жироу, характер злобно-иступленный, патетический и одновременно жалкий. Только последнюю черту этой характеристики выявляет в образе Демокоса актер Марсель Андре. Это вполне беззлобный буржуа, что называется, «дядюшка Демокос», который беспрестанно путается в ногах серьезных людей и завершает свое нелепое поведение нелепым концом.

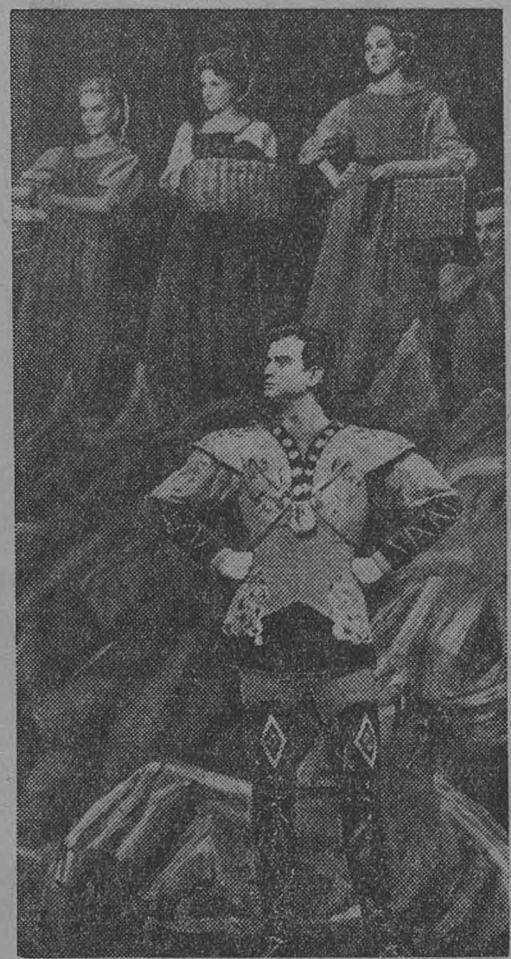
Царь Приам в исполнении Жозе Скенкеля тоже потерял воинственность своего характера; правитель, для которого война — дисциплинирующее и героизирующее начало жизни, предстал в образе патриархального монарха, изрекающего в торжественных ритмах издревле установившиеся истины.

К сожалению, архаичной оказалась и самая манера исполнения роли. Этот упрек мы могли бы сделать и некоторым другим исполнителям. Подчеркнуто декламационная игра, чуждая Жироу, особенно отчетливо контрастирует с бытовой стилистикой, в которой выдержаны (тоже не по праву) роли старцев и матросов. Постановке Жана Ле Пулена, к сожалению, свойствен некоторый эклектизм. Трудная и тонкая работа над стилем Жироу режиссером проведена не во всех звеньях спектакля. Особенно очевидно это в декорациях и костюмах художника Люсьена Кутто. Если можно согласиться с планировкой и конструкцией оформления, то самая фактура декораций (рисованные стрельчатые готы) не способствует созданию сурового и монументального внешнего образа спектакля. Не всегда безупречен и вкус художника — его пристрастие к тягелому бархату и изобилие золотых деталей в костюмах вновь указывают на слабое ощущение стилистики пьесы.

Однако самая попытка по-современному прочесть пьесу, страстно призывающую к миру, заслуживает горячего одобрения.

РАДОСТНО, что в борьбе против новой угрозы войны мы выступаем единым фронтом с посланниками дружественной Франции. Ведь, как справедливо сказал, уезжая из Парижа в дни провокации американских империалистов Н. С. Хрушев, «отношения между нашими странами не только не будут ухудшаться, но будут улучшаться».

Г. БОЯДЖИЕВ,
доктор искусствоведения.

Сцена из спектакля «Троянской войны не будет». В центре — артист Жорж Декриер в роли Гектора. Фото В. КОВРИГИНА и В. МАСТЮКОВА. (ТАСС.)

душевная теплота мужа, страстное негодование гражданина — все это придает борьбе Гектора — Декриера конкретность живой общественной деятельности, обвеивает героический образ пафосом идеи современного гражданского долга. Прекрасны монологи Гектора — Декриера, сказанные актером с авансцены, прямо в зал — в них мы улавливаем самое биение мысли, огромную человеческую обеспокоенность за судьбы людей, прекрасна и сцена диалога Гектора с Улиссом, когда сталкиваются два героя — зрелый, циничный, всеведущий грек и пылкий, молодой, верящий в победу правды троянец. В этой сцене достойным партнером Декриеру выступает актер Гамиль Ратиб.

Через образы Гектора и Улисса режиссер спектакля смог передать свое современное ощущение пьесы, тут были найдены необходимый масштаб решений и горячая тональность действия. В меньшей степени Жану Ле Пулену удалось это сделать в образах Андромахи и Елены.

АНДРОМАХА в исполнении яркой одаренной Сюзанн Флон — это олицетворение совести мира, это прямая и цельная натура, погруженная в думу о своем времени. Но интеллектуальный план роли где-то излишне сковывает актрису, значительность ее душевных переживаний порой лишает их непосредственности и трепетности. В роли Андромахи явно не хватает теплоты грядущего материнства, светлых тонов, которыми окрашен образ поначалу. Поэтому трагический перелом в судьбе Андромахи не воспринимается с той остротой контраста, который составляет драматическую кульминацию роли.

Если Андромахе — Сюзанн Флон при лаконизме и сдержанности переживаний недостает эмоциональной заразительности, то Елена в исполнении молодой талантливой Женевьев Брюне, напротив, — сама женская непосредственность и даже простодушие. Это белокурая молодая женщина с круглой соломенной шляпой за плечами, с не-